
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКИХ СОМАТИЧЕСКИХ ИДИОМ

М.В. Кутьева

Кафедра иностранных языков № 3 ИИЯ
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена изучению испанских фразеологизмов, в состав которых входят слова, обозначающие внутренние органы и части тела человека, с точки зрения их прагматики. В испанском языке семантика рассматриваемых идиом связана, прежде всего, с понятиями «мужество», «смелость» и другими основополагающими антропонимическими характеристиками.

Ключевые слова: фразеология, картина мира, сопоставление языков, прагматика, концепт.

В данной статье термин *идиома* рассматривается в самом широком смысле и включает как собственно фразеологизмы, так и поговорки, вербализуемые в испанском языке как *refranes, proverbios, dichos, frases hechas* и собственно *idiomas*. Соматизм понимается нами как имя, обозначающее часть организма человека, не исключая внутренние органы.

Фразеологические и поговорочные единицы приоткрывают для носителей языка завесу национальной ментальности, завесу ненаблюдаемого и порой неосознаваемого мира ценностей человека, проясняют то, как индивид ощущает себя по отношению к другим индивидам, какова его аксиологическая шкала, его категорический императив, моральный кодекс и, главное, миром каких денотатов «дышит» его система нравственных ценностей. Эти национально-культурные характеристики ментальности нигде, кроме языка и в некоторой степени искусства — живописи и музыки, не выражены.

Можно считать универсалией тот факт, что слова-соматизмы легко подвергаются метафоризации и служат инструментом «означивания» **основных** свойств и качеств внутреннего мира человека. Однако каждый язык делает это по-своему.

Условность предписания неким деталям, органам человека внутренних качеств и свойств отмечалась неоднократно. Однако если такая презумпция типизирована, традиционна, воспроизводима (хотя и мало оправдана логически), значит, она отражает национальную картину мира.

В русской и испанской лингвокультурах, в силу сходства исконно земледельческого, оседлого образа жизни и совпадения большинства морально-этических установок выявлено много общего в значениях соматических фразеологизмов. Не приходится прилагать каких-либо усилий для их перевода: *прикусить язык* — *morder la lengua*; *иметь длинный язык* — *tener la lengua suelta (отвязанный)*; *от всего сердца* — *de todo el corazón*, *положив руку на сердце* — *con la mano en el corazón*, *сердцу не прикажешь* — *en el corazón no se manda*; *сложив руки* — *de brazos cruzados*.

По-другому обстоит дело с соматизмом *почки* — *riñones*. Здесь наблюдаются расхождения, обусловленные национально-культурными факторами. «A la gente *con más riñones* que ese General de mierda los he tumbado yo» (M.A.Asturias. El señor presidente). Приведу нарочито дословный перевод: «Людей с *большими почками*, чем этот дерьмовый генерал, укладывал в могилу я».

«Человек с большим сердцем» звучит по-русски приемлемо, привычно, понятно. Это любящий, добрый, отзывчивый, щедрый человек (вовсе не больной, страдающий грудной жабой, как можно было бы подумать, мысля абстрактно, в отрыве от языковых рамок культуры). А вот «человек с большими почками» — это какой? Значение *храбрость* никак не связано в сознании носителя русского языка с почками. В направлении от испанского языка к русскому здесь образуется семантическая лакуна. В переводе этой фразы Астуриаса на русский язык *почки*, естественно, не упоминаются. Соматизм заменен словом *похлеще*. Колоритом пришлось пожертвовать, но другого выхода не было: «Мне случалось загонять в гроб генералов похлеще этого ублюдка». Метафорика и коннотативные нюансы не донесены до русского читателя, так как они принадлежат национально-культурным особенностям семантики испанского языка и менталитета. Кроме семантических несоответствий, на переводческий выбор повлияли, очевидно, и другие факторы: осознание авторского замысла, характера генерала, который предал диктатора и поднял мятеж, суть личности диктатора — деспотичного, жестокого, бесчеловечного. Поэтому переводчик пренебрег относительно нейтральным вариантом перевода оборота *con más riñones* как *более храбрых, более нордовистых (людей), людей с более сильным характером* и предпочел емкое, краткое и негативное *похлеще*.

Рассматриваемый нами пример вскрывает проблему, уже давно привлекающую самое живое внимание лингвистов, особенно тех, кого из чисто практических соображений интересуют вопросы перевода, его адекватности и эквивалентности. Одним из таких исследователей по праву считается Э. Косериу. Денотативный компонент значения он называл обозначением, а сигнификативный и коннотативный — смыслом: «В сообществах носителей разных языков аналогичные обозначения могут передавать разный смысл, вследствие чего при переводе могут возникать противоречия между обозначением и смыслом» [3. С. 78]. Данные противоречия можно интерпретировать так же как несовпадение сфер прямой и переносной семантики у одной и той же лексемы в разных языках. Это расхождение усиливается, «если исходный язык и язык перевода относятся к разным культурным мирам. В подобных случаях противоречия между обозначением и смыслом весьма многочисленны. Из-за этого переводчик вынужден склоняться либо к обозначению, либо к смыслу, причем никакая контрастивная грамматика ему не может помочь» [Там же. С. 76]. Имплицитный смысл, о котором пишет Э. Косериу, обычно известен всем членам языкового сообщества и является чем-то само собой разумеющимся для них. Вместе с тем он представляет собой камень преткновения для переводчиков и видится как нечто странное представителям иных культур.

В испанском языке слово *почки* довольно продуктивно в образовании фразеологизмов. Кстати, существует научно обоснованное мнение, что почки — это орган, отвечающий за эмоцию страха: «El órgano del miedo en el hombre es el riñón, incluidas las suprarrenales... Son las suprarrenales que segregan inmediatamente ante la sensación de miedo la adrenalina» (Орган страха человека — это почки, включая надпочечники. Именно надпочечники при чувстве страха сразу же вырабатывают адреналин.) (Luis Flores Cornejo. <http://caminosdelalma.wordpress.com/2008/06/12/el-miedo-los-riñones>).

Этот внутренний орган человека наделен в сознании носителей испанского языка исключительной важностью. Там, где русский скажет *рвать кишки*, испанец говорит *рвать почки*. Почки мыслятся, по-видимому, как центр организма, что подтверждается фразеологизмом *en el riñón de España* — в центре Испании. Слово *riñón* предстает как носитель символических ассоциаций, связанных с важнейшими чертами характера — смелостью, отвагой, т.е. характеристиками, противоположными страху, физиологически связанному с функцией почек. Следствием проявленной отваги, по всей видимости, должно явиться материальное благосостояние. Кроме того, материальное благополучие расценивается как защита от разнообразных непредвиденных обстоятельств. Это значение также фигурирует в семантическом реестре устойчивых выражений со словом *почки*: *tener bien cubierto el riñón* (досл. — *иметь хорошо прикрытой почку*). Нашлось место в нем и такой категории, как *дороговизна*:

«El representante de Su Majestad Católica echó los pies fuera de la cama agarrándose de la cabeza: — ¡Si trasciende a los periódicos se me crea una situación imposible! ¡Cuánto menos su silencio **me cuesta un riñón y mitad del otro!**!» (Ramón del Valle-Inclán. *Tirano Banderas*) (Представитель Его Католического Высочества спустил ноги с кровати, схватившись за голову: — Если все это просочится в газеты, для меня это будет ужасно! Его молчание будет *стоить* мне как минимум *одной целой почку и половины второй!* (Перевод наш — М.К.).

Интересно, что значение ‘физическая сила’ соединяется в подсознании со значениями ‘моральная, нравственная сила’, ‘навыки, таланты’ и ‘материальные, финансовые возможности’ — т.е. все то, с чем в жизни не пропадешь. Такое ассоциативное движение прослеживается и в русской фразеологии. Например, выражение *кишка тонка* имеет как минимум четыре лексико-семантических варианта:

- 1) не хватает сил сделать что-либо;
- 2) не хватает духу, смелости, мужества сделать что-либо;
- 3) не хватает умения, способностей, опыта для выполнения (планов, задания);
- 4) не хватает средств на приобретение чего-либо.

В следующем примере отражен именно четвертый лексико-семантический вариант:

«Вот мы на заводе делаем трактора для вас. Бедняку и середняку-одиночке купить трактор слабó: *кишка тонка!*» (М. Шолохов. *Поднятая целина*).

Приведем ремарку одного из чилийских информантов, который указал, что в Чили данный оборот для вербализации *дороговизны* не узуален и что предпоч-

тительнее в этом значении использовать фразеологизм *costar un ojo de la cara* / *стоит глаза*:

«En vez de riñón, en Chile hablamos de «un ojo de la cara» con el mismo sentido. Qué divertido saber que un ojo o un riñón en español cuestan lo mismo que una pierna y un brazo en inglés» / Вместо почки мы говорим «глаз (лица)» с тем же самым смыслом. Как забавно, что глаз и почка по-испански стоят столько же, сколько нога и рука по-английски» (Перевод наш — М.К.).

Для пополнения коллекции дорогостоящих членов уместно вспомнить русский жаргонизм «зуб отдам».

Наиболее частотные идиомы со словом *riñón* [4. С. 564] сведены для наглядности в следующую таблицу.

Таблица

№	Фразеологизм	Буквальный перевод	Перевод на русский язык
1	Costar un riñón	Стоить почки	Стоить очень дорого
2	En el riñón de España	В почке Испании	В самом центре Испании
3	Gastar un riñón	Тратить почку	Израсходовать много денег
4	Partirse (quebrantar-se los riñones)	Рвать (надрывать) почки	Гнуть спину, надрываться, вкалывать
5	Pegarse al riñón	Приклеиваться к почке	Быть сытным (плотным), питательным, калорийным
6	Se pega poco al riñón una cosa	Мало приклеивается к почке (какое-то блюдо или продукт)	Этим не наешься!
7	Tener bien cubierto (bien forrado) el riñón	Иметь хорошо прикрытой почку	Быть богатым; у него денег куры не клюют; быть защищенным
8	Con el riñón bien cubierto	С хорошо прикрытой почкой	С прибылью, с большими деньгами
9	Tener riñones	Иметь почки	Быть смелым; быть неробкого десятка; обладать силой духа, мужеством

Итак, мы наблюдаем, как самые распространенные, ходовые, конкретные слова подчас оказываются самыми условными. За неприметным конкретным именем вырисовывается богатейший спектр ассоциаций и смыслов. Фактически происходит фетишизация слова *riñones*. Оно сочетается с открытым множеством глаголов в значении *смелость, отсутствие* страха:

«El fuego de la ametralladora en sus manos le cimbraba el cuerpo y Miguel murmuró: — No bastan **los riñones**. Los moros rubios tienen mejor equipo» (Carlos Fuentes. La muerte de Artemio Cruz).

О сильных мира сего в переписке Интернета высказываются так:

«...De vez en cuando nos recuerdan quién manda y hasta qué punto se rien de nosotros: fuman en los aviones, se gastan fortunas en un cuarto de baño, se van de cacería o se meten en una empresa privada a **forrarse el riñón**» (Иногда они нам напоминают, кто командуют они и до какой степени они смеются над нами: курят в самолетах, тратят состояния на ванную, отправляются на охоту или создают частные предприятия, чтобы *прикрыть себе почку*). (Блог *nofumadores*. <http://blogs.publico.es/rafaelreig/date/2008/05/>). Скорее всего, последнее словосочетание означает «обезопасить себя».

Благодаря окказиональным авторским переосмыслениям, всегда основанным, тем не менее, на традиции национального мировидения, *riñones/почки* могут оказаться связанными с сексуальным понятием потенции:

«En el África, el rey era guerrero, cazador, juez y sacerdote; su simiente preciosa engrosaba, en centenares de vientres, una vigorosa estirpe de héroes. En Francia, en España, en cambio, el rey enviaba sus generales a combatir, era incompetente para dirimir litigios, se hacía regañar por cualquier fraile confesor, y, **en cuanto a riñones**, no pasaba de *engendrar un príncipe debilucho*, incapaz de acabar con un venado sin ayuda de sus monteros...» (Alejo Carpentier. El reino de este mundo).

Каждый соматизм тяготеет к своему смысловому полю в том, что касается формирования переносных значений: *riñón* охватывает такие фреймы, как *отвага*, *смелость*, *богатство*; *hígado* — *злоба*, *ненависть*, *неимоверные усилия*. Есть у этих соматизмов и семантическая точка пересечения, т.е. общее значение — *отвага*, *мужество*, *доблесть*, *смелость*.

В лексическое значение слова любого языка входит все то, что возникает и закрепляется за ним в результате многократного воспроизведения. Оценочная метафора, отталкиваясь от соматических характеристик человека, становится способом извлечения информации о его внутреннем мире, проявлениях психо-эмоционального склада личности и в русском, и в испанском языке. Однако в испанском языке фразеологическая плотность, разветвленность, вариативность оборотов с такими словами, как *riñones*, *hígado*, выше, чем в русском.

Представляется вполне естественным, что в испанском языке аксиологически релевантные, эмотивные фразеологизмы, которые в эмоциональной речи служат для осуждения трусости или одобрения храбрости, волевых качеств, боевой сноровки, задействуют лексику, описывающую подробности строения мужского тела, чисто мужскую анатомию. Например, усы и борода выступают как атрибуты, вызывающие уважение *de bigote* — важный, влиятельный, *tener bigotes* — иметь сильный характер; *barba honrada* — почтенный муж, уважаемый человек; *con toda la barba* — подлинный, настоящий, истый, заправский (о человеке); *llevar a uno de la barba* (разг.) — командовать, помыкать кем-либо; *pelarse (tirarse de) la barba (las barbas)* — разозлиться; *subirse a las barbas de otro* (разг.) — фамильярничать, вести себя бесцеремонно с кем-либо; *temblarle a uno la barba* (разг.) — трусить, дрожать; дрейфить (прост.); *tener pocas barbas* (разг.) — быть желторотым птенцом; ≈ молоко на губах не обсохло; *tentarse las barbas* (разг.) — быть осмотрительным, действовать с оглядкой; *a poca barba, poca vergüenza* (погов.) — молодо-зелено. Особняком в этом перечне стоит фразеологизм, относимый к женщине: *tener buenas barbas (una mujer)* — быть миловидной (о женщине). В нем можно усмотреть отголоски мачизма — приоритета мужских признаков над женскими, ведь женская симпатия дана через мужские характеристики. Чтобы охарактеризовать мужественного человека, используют идиомы *ser de (mucho) pelo en el pecho*, *tener un par de huevos* — быть мужественным (иметь волосы на груди, иметь пару яиц); *hacerle huevos a uno* — давать жару. В словаре Э. Левинтовой приведен лишь один фразеологизм со словом *cojones* — *tener cojones / иметь яйца* на стр. 166 с пометой *грубо* и следующим комментарием: «быть настоящим мужчиной, быть отважным». Автор словаря цитирует реплику из рома-

на Карлоса Мартинеса Морено «Стенка» (Carlos Martínez Moreno. El Paredón), написанного в 1968 году:

«Vamos, hombre, *tenga cojones* — ordenó el oficial ya irritado ‘Sepa morir, que para eso es militar». «Да будьте же мужчиной! — крикнул офицер, теряя терпение. — Умейте смотреть смерти в глаза, на то Вы и солдат».

В словах *huevos*, *cojones* присутствует сема «мужество». Трусливого же человека назовут *deshuevado*. «Трусость ассоциируется с импотенцией и отсутствием у мужчины первичных половых признаков» [2. С. 71].

Удивительно, но оборот *tener cojones* применим не только к лицам, но и к неодушевленным существительным. С его помощью в испанской газете Эль Паис дана положительная характеристика первомайской демонстрации:

«Juanjo enrolló la bandera con cuidado... No iba a San Mamés, como como cada domingo de los últimos 15 años, sino por primera vez a la manifestación del 1 de Mayo, allí, al lado del Sagrado Corazón («*¡Tiene cojones!*»), pensó, ingenuo) (Eduardo Rodríguez. Un día de mayo // El País. 01.05.2009).

Часто употребляясь в разговорной речи, в ее стилистически сниженном регистре, сексуальная лексика стала весьма полисемичной, богатой оттенками значения. Адекватное прагматическое воздействие и понимание обеспечиваются не только контекстом, но и ситуацией общения, просодией, интонацией, а также невербальными средствами коммуникации — взглядами, жестами.

Качественный признак, лежащий в основе языковой соматоморфной оценки, носит комплексный характер. Благодаря своей многоплановости он может выступать как стимул, порождающий ассоциативные ряды, соотносимые с различными аспектами оценочного знака. В детализации образов, в подборе языковых средств для их создания и их аксиологической интерпретации реализуется национальное видение мира, находит отражение национальная психология.

Носители испанского языка на уровне обыденного сознания ощущают прочную связь внешних данных человека, физических характеристик и свойств его внутреннего мира. Человек рассматривается как некая природная данность, важными оказываются параметры количественной представленности деталей, частей, органов, членов, так как они непосредственно связаны с качественными признаками, описывающими моральный и психологический облик человека, особенности его характера.

На первый взгляд, выражение *tener mucho huevo*, *tener mucho cojon* (иметь яйца, иметь большие яйца) должно характеризовать того, к кому обращен эмоциональный заряд этого фразеологизма, как развратника, сексуально распущенного субъекта. Но такая интерпретация была бы ошибочной. Наоборот, адресат оценки, выраженной с помощью лексем *cojon*, *huevo*, заслуживает самой высокой похвалы: он исполнен мужества, доблести, чести, благородства, хладнокровия в момент принятия важных решений, серьезности и чувства собственного достоинства. Он боец, убежденный борец за высокие идеалы. В литературных произведениях идиомы с этими лексемами обычно оказываются вовлеченными в такую систему художественных образов, где решаются вопросы жизни и смерти, где герой стоит перед выбором, от которого зависит его судьба. Именно словом

cojones как завершающим аккордом заканчивается роман Артуро Переса Реверте «El asunto de honor» («Дело чести»): «Así que apreté la empuñadura de la navaja y me fui a por el portugués Almeida. *Con un par de cojones*». Рискнем перевести сей пассаж дословно: «И тогда я сжал рукоятку ножа и пошел на португальца Алмейду. С парой яиц».

В таком виде перевод не может быть принятым для печатной версии. Почему? Потому что у русского читателя последнее словосочетание вызовет смех и перечеркнет драматическую напряженность трагической кульминации, смещенной в финал. Пару яиц придется заменить на «из последних сил», «как подобает мужчине», «так поступают настоящие мужчины» и т.п., что тоже исказит авторский замысел, но в меньшей степени.

Денотативный остов латентно присутствует в переносной семантике слова, придавая специфический, национально маркированный формат его коннотативному содержанию, абстрактному смыслу. Денотат сообщает слову некую энергию, которую не может игнорировать адресат. Именно специфика тандема «денотат-коннотат» делает слово губительным или врачующим, унижающим или вдохновляющим, трагичным или ироничным:

«No te muevas, no hagas ruido, una patrulla. El jeep se detuvo. Oyó voces, pasos, y, luego de una pausa, exclamaciones amistosas: «Pero si eres t', Toñito». «¿Qué hay, compadre.» Los autorizaron a seguir, sin registrar el vehículo. Estarían a medio puente, cuando oyó de nuevo a Toño Sánchez: — El capitán era mi amigo, el flaco Rasputín, ¡qué suerte, coño! *Todavía tengo los huevos de corbata*, Amadito».

На этот раз перевод отдалается от буквалистики, жертвуя колоритной внутренней формой идиомы. И вместо «у меня до сих пор яйца галстуком (яйца в горле), т.е. ком в горле» читаем привычное «у меня до сих пор душа в пятках». Да же как-то жаль...

Особый прагматический эффект производит каламбурное столкновение в одном высказывании разностилевых фразеологизмов — книжного, библейского — с вульгарным, просторечным, например:

«Trujillo podía hacer que *el agua se volviera vino y los panes se multiplicaran, si le daba en los cojones*».

Здесь автор сравнивает диктатора с Иисусом Христом, который превращал воду в вино и кормил пятью хлебами пять тысяч людей, но вульгарность завершающего фразеологизма придает высказыванию тональность «смеха сквозь слезы», или слез сквозь смех — последнее для латиноамериканца более органично.

Заметим, что *все* цитируемые в данной статье реплики произносят мужчины, а не женщины. Примечательно, что использование инвективных идиом в речевом поведении женщины недопустимо или, во всяком случае, нежелательно, предосудительно. На таких, откровенно грубых, оборотах ярко проявляются отличия речевого поведения мужчин и женщин.

Сегодня огрубление речи стало коммуникативной реальностью испаноязычных стран. Возможно, это происходит из-за активной интервенции в социально-активную жизнь необразованных и невоспитанных слоев населения. В потребности влиять на их сознание кроется причина увеличения удельного веса вульгарных

номинаций и в прессе, и в художественной литературе. Подогревает эти процессы и упразднение цензуры [См. об этом: 6].

Язык пользуется соматической фразеологией как инструментом поворота сознания в сторону атрибутов тела. Носители испанского языка и без того сверхэротичны. Язык же усиливает, акцентирует эту национальную черту, постоянно задействуя соответствующую лексику.

Иногда русскую классическую литературу современные критики обвиняют в пуританстве, бестелесности. На наш взгляд, есть некоторые основания обвинить испанский язык в настойчивой телесности. Языковое мышление носителя испанского языка наглядно, телесно, и эта телесность сродни наглядности и телесности мифа.

Носителя русского языка, воспитанного на русской классической литературе, утверждающей, что красота спасет мир, вселяющей чувство восхищения перед гармонией, духовностью и человечностью, шокирует сам тон испаноязычной литературы, вид содранной кожи, являемый современным латиноамериканским романом, и в особенности натуралистические образы, построенные на лексике, описывающей половую сферу человека. Не случайно в русском языке приемлемых, общепринятых литературных слов этого семантического ряда нет вообще.

В разговорной речи, в самом низменном, грубом ее регистре, их заменяет мат.

В русском языке наблюдается поляризация регистров дискурса: либо возвышенность, либо крайняя грубость, приземленность. Середины нет. Эта особенность свойственна ментальности носителей русского языка. Полярность проявляется и в социально-исторических формах: или неукоснительная, железная дисциплина, основанная на страхе, насаждаемом деспотической диктатурой, или разгул вседозволенности, разнузданности и хамства — *desmadre total*, как сказали бы мексиканцы; нет у нас, как известно, и среднего класса.

Проблема нам видится в том, что у носителей русской культуры духовное и телесное дистантны, разведены, страшно далеки друг от друга. А у носителей испаноязычных культур — сближены или едины (вспомним: уже с первых уроков приходится объяснять студентам, что глагол *querer* включает в себе два значения 'хотеть' и 'любить').

Фактором, определяющим функционирование соматизмов в аксиологическом аспекте, является параллелизм телесного и духовно-нравственного миров деятельности человека и осознанием себя как части мира.

Национальный образ человека, зашифрованный с помощью соматоморфных оценок, — это аксиологически значимая совокупность представлений о нем, чертах его характера, интеллекта, формирующаяся в рамках определенной национальной культуры как результат обобщения различных аспектов ценностных ориентаций — морально-этических, эстетических, прагматических установок и норм. Эта совокупность носит динамический характер, отражающий социальные и культурные изменения, происходящие в обществе. Знак оценки всегда соотносится с принятыми в обществе морально-этическими нормами, которые, как известно, подвержены изменениям и переосмыслениям в силу исторического развития социума, изменениям положения и роли классов и социальных групп в нем.

Слова-соматизмы, входя в состав фразеологических единиц, активно участвуют в формировании национального художественного образа человека. Соматическим идиомам, всегда аксиологически отягощенным, присущи высокая экспрессивность, эмотивность, оценочность и специфическая идиоматичность, которые формируют их феноменальный прагматический потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вежбицка А.* Семантические универсалии и описание языков. — М.: Языки славянской культуры, 1999.
- [2] *Заворотничева Н.С.* Инвективные обозначения отрицательных черт характера и асоциальных моделей поведения в испанском и американском лингвокультурном сообществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». — 2006. — № 2(8). — С. 69—75.
- [3] *Косериу Э.* Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1989. — С. 63—82.
- [4] *Левинтова Э.И.; Вольф Е.М.* Испанско-русский фразеологический словарь. — М.: Русский язык, 1985.
- [5] *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М.: Наука, 1988. — С. 173—203.
- [6] *Фирсова Н.М.* Испанская разговорная речь. — М.: Изд-во «Муравей». — 2-е изд. перераб. и доп., 2002.
- [7] *Abellan J.L.* Los españoles vistos por sí mismos. — Barcelona: Factoria Ediciones, 1986.
- [8] *Almeida M.* Contribuciones al estudio de la lingüística hispánica: homenaje al professor Ramón Trujillo. — Santa Cruz de Tenerife: Montesinos, 1997.
- [9] *Bustos Guadaño E. de.* La metáfora. Ensayos transdisciplinares. — Madrid: Universidad Nacional de Educación a distancia, 2000.
- [10] *Vargas Llosa M.* La fiesta del Chivo. — Madrid: Edisa, 2001.

PRAGMATIC PECULIARITIES OF SPANISH SOMATIC IDIOMS

M.V. Kutieva

Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article is dedicated to the study of the Spanish idioms with such words in their composition, which designate internal organs and parts of the human body: kidney, liver, eggs (guts). In Spanish, these idioms are connected, first of all, with the concept «courage» and other basic traits of man's nature.

Key words: phraseology, world picture, language comparison, pragmatic, concept.